МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА ASG

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

FIAT
ВСЕСОЮЗНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ИНОСТРАННЫХ ФИРМ

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ

ФАБРИКА ВОЛОСЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ И ДАМСКАЯ ПАРИКМАХЕРСКАЯ

П. Д. ГОРБАТОВА.

ФИРМА

„ПОЛЬ“.

Петроградъ, Пантелеймоновская ул., 10.

Телефоны: 47-19, 65-47.

Аванъ-Салонъ передъ кабинетами для краски волосъ.

Всѣ новинки Парижа и Лондона, послѣднія créations парикмахерскаго искусства, одновременно появляются и въ салонѣ „ПОЛЬ“. Это давно оцѣнено нашими клієнтами.

Наша фабрика волосяныхъ издѣлій не только величайшая въ Россіи, но и одна изъ самыхъ большихъ въ Европѣ. Большіе запасы матеріаловъ, сдѣланные еще до войны, даютъ намъ возможность не увеличивать цѣны и теперь, когда вездѣ — изъ-за трудностей сообщенія съ заграницей — онѣ значительно повышены.

Все, что выходитъ изъ нашей фабрики, носитъ отпечатокъ изящнаго вкуса и дѣйствительнаго знанія дѣла.

Прейсъ-куранты послѣднихъ модныхъ postiches и другихъ издѣлій высылаются по полученіи 4-хъ 10-ти коп. марокъ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 33. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ. 1 МАЯ 1915 года. ПЕТРОГРАДЪ.

Мурановскій домъ со стороны сада. Посреди—три окна нижней большой гостиной, идущей поперекъ всего дома.
Собств. фотогр. „Ст. и Ус.".

Перепечатка безъ указанія источника воспрещается; перепечатка портретовъ и группъ вообще воспрещается. Законъ 20 марта 1911 года.

СЕЛЬЦО МУРАНОВО.

(Усадьба, выстроенная поэтомъ Боратынскимъ, нынѣ принадлежащая племянницѣ его—О. Н. Тютчевой).

За послѣднія три четверти или полвѣка образованіе расширилось, распылилось въ массѣ, но мало углубилось.

Неспѣшная и обезпеченная усадебная жизнь съ ея досугомъ, съ возможностью путешествовать, тщательное домашнее образованіе, изученіе многихъ языковъ, обширное чтеніе: все это образовывало въ людяхъ глубокую разностороннюю культуру.

Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Писемскій, Алексѣй и Левъ Толстые: все это были птенцы русскихъ усадебъ, изъ которыхъ они внесли въ литературу что-то неуловимо нѣжное, дѣвственно чистое, чарующе мечтательное, что-то безконечно благородное и святое.

Для того, кто живетъ душевными волненіями, кто вынашиваетъ въ душѣ рождающіеся въ ней образы, Богъ знаетъ откуда въ ней возникающіе и невѣдомо какъ въ ней вызрѣвающіе: для такого человѣка нѣтъ лучшей обстановки, какъ уютная усадьба, съ ея старыми преданіями, темными аллеями, окрестными по-

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА

и и перелѣсками, съ печатью той непосредственной ни, которою дышитъ природа и отъ которой такъ лека призрачная и болѣзненная жизнь городовъ.

Старыя просторныя комнаты, въ которыхъ уютъ и комфортъ копились поколѣніями, со старыми вещами, изъ которыхъ всякая имѣетъ свою жизнь и свою физіономію, объемистые библіотечные шкафы, въ которыхъ скоплена мудрость поколѣній; старые слуги, ставшіе членами семьи, старые семейные портреты, словно переплетшіеся съ новою жизнью крѣпкими нитями старой былой жизни; багряный закатъ, торжествующій праздникъ весны, золотая осень и первая пороша и зимнія вьюги: Боже, что можетъ быть лучше для жизни созерцательной, творческой!

Цвѣтникъ и боковая башня.

Какъ углубляются тутъ вдали отъ внѣшняго шума чувства, какъ высоко и смѣло взлетаетъ мысль, какъ выношено и зрѣло все то, что тутъ родится!

Вспомнимъ, что русская усадьба видѣла рожденіе лучшихъ Пушкинскихъ произведеній...

И сколько такихъ усадебъ опустѣло, замерло, истреблено! И тѣмъ дороже тѣ немногіе уголки, въ которыхъ нашло себѣ пріютъ какое нибудь свѣтлое дарованіе и которые доселѣ остались въ такомъ видѣ, какими видѣли ихъ давно угасшіе взоры поэта.

* * *

Сельцо Мураново, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, расположено верстахъ въ пятнадцати отъ извѣстнаго Хотьковскаго монастыря, гдѣ похоронены родители преподобнаго Сергія Радонежскаго, верстахъ въ двадцати пяти отъ Троице-Сергіевой лавры и въ пяти отъ села Софрина (при станціи тогоже имени), принадлежавшаго нѣкогда знаменитой царь-дѣвицѣ, царевнѣ Софіи-правительницѣ.

Старинная церковь—единственный остатокъ Софрина, этого царственнаго помѣстья, въ которомъ послѣдней помѣщицей была графиня Ягужинская.

Послѣдняя представительница не долгаго рода, возникшаго при Петрѣ Великомъ, въ высшей степени добрая женщина, графиня Ягужинская отказала своимъ крестьянамъ всю обширную землю съ лѣсами. Но все это богатство не пошло въ прокъ крестьянамъ Софрина, такъ какъ на выручаемыя отъ продажи лѣса деньги ничего путнаго не сдѣлалось...

Сельцо Мураново было куплено въ 1811 году генералъ-маіоромъ Львомъ Николаевичемъ Энгельгардтомъ у князя Оболенскаго.

Послѣ смерти Льва Николаевича въ тридцатыхъ годахъ, бывшая въ сельцѣ Мурановѣ домовая церковь была упразднена, а вскорѣ затѣмъ былъ снесенъ старый деревянный домъ. На мѣстѣ его зять Энгельгардта, поэтъ Боратынскій, построилъ доселѣ существующій просторный кирпичный домъ, комнатъ въ двадцать.

У Льва Николаевича Энгельгардта было двѣ дочери — Настасья Львовна Боратынская и Софія Львовна Путята.

Путята, образованный человѣкъ, любитель литературы, былъ адъютантомъ при финляндскомъ генералъ-губернаторѣ Закревскомъ, когда Боратынскій служилъ рядовымъ въ пѣхотномъ полку, стоявшемъ въ Финляндіи. Путята отнесся чрезвычайно тепло къ опальному поэту, очень облегчилъ его участь и способствовалъ чрезъ Закревскаго его производству въ офицеры. Они остались на всю жизнь дружны и породнились, женившись на двухъ сестрахъ.

Сперва Мурановымъ владѣла Боратынская. (У самихъ Боратынскихъ были большія имѣнія въ другихъ губерніяхъ).

Устроивъ Мураново, Евг. Абр. Боратынскій думалъ жить тутъ круглый годъ. Но онъ внезапно умеръ въ Неаполѣ, и затѣмъ при дѣлежѣ наслѣдства Л. Н. Энгельгардта Мураново окончательно досталось Соф. Льв.

Въ мурановскомъ паркѣ. Дѣти владѣльцы Ѳ. И. и Е. И. Тютчевы.

Путята. Единственная ея дочь Ольга Николаевна вышла за сына поэта Фед. Ив. Тютчева, Ивана Фед.

Въ этой семьѣ рѣдкое явленіе представляетъ родство между собою поэтовъ. Сынъ поэта Тютчева женится на племянницѣ поэта Боратынскаго. Родная сестра поэта Тютчева, Дарья Ивановна, была замужемъ за Сушковымъ, племянница котораго, Евдокія Петровна, въ замужествѣ графиня Ростопчина, была одной изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ поэтессъ. Затѣмъ дочь поэта Фед. Ив. Тютчева, Анна Фед., была замужемъ за публицистомъ и поэтомъ Иван. Серг. Аксаковымъ.

Однажды въ Москвѣ въ 90-хъ годахъ на какомъ то благотворительномъ представленіи въ Большомъ театрѣ можно было въ одной ложѣ видѣть вмѣстѣ внучекъ Александра Сергѣевича Пушкина, внуковъ и внучекъ поэтовъ Боратынскаго и Тютчева, и внуковъ графини Ростопчиной.

Поэту Тютчеву принадлежало обширное имѣніе съ громаднымъ барскимъ домомъ, село Овстугъ Брянскаго уѣзда — родина поэта. Тамъ раньше кипѣла ключомъ богатая помѣщичья жизнь. Самъ поэтъ не любилъ деревню и нехотя наѣзжалъ въ старый Овстугъ. Потомъ усадьба стала совсѣмъ уже необитаема, такъ какъ сынъ поэта жилъ всегда въ Мурановѣ, въ которомъ съ семьей провелъ подрядъ даже цѣлый десятокъ зимъ.

Мураново принадлежитъ къ числу уютныхъ Подмосковныхъ, запечатлѣнныхъ какой-то особой пре-

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASGI

тью и мирностью срединной Россіи. Эта тихая ѣщичья удобная усадьба во всѣхъ мелочахъ никнута безусловнымъ вкусомъ. Объ этой тихой прелести Муранова прекрасно говорятъ строки Боратынскаго, посвященныя этому имѣнію:

Есть милая страна, есть уголъ на земѣ,
Куда, гдѣ-бъ ни были: средь буйственнаго стана,
Въ садахъ Армидиныхъ, на быстромъ кораблѣ,
Браздящемъ весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей;
Гдѣ, чужды низменныхъ страстей,
Житейскимъ подвигамъ предѣлъ мы назначаемъ,
Гдѣ міръ надѣемся забыть когда нибудь
И вѣжды старыя сомкнуть
Послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ желаемъ.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Я помню ясный, чистый прудъ:
Подъ сѣнію березъ вѣтвистыхъ
Средь водъ его три острова цвѣтутъ,
Свѣтлѣя нивами межъ рощъ своихъ волнистыхъ.
За нимъ встаетъ гора, предъ нимъ въ кустахъ шумитъ
И брызжетъ мельница. Деревья, лугъ широкой,
А тамъ счастливый домъ... Туда душа летитъ,
Тамъ не хладѣлъ бы я и въ старости глубокой.
Тамъ сердце томное, больное обрѣло
Отвѣтъ на все, что въ немъ горѣло,
И снова для любви, для дружбы расцвѣло
И счастье вновь уразумѣло.

* * *

Часть большой гостиной.

Въ настоящее время въ Мураново путь лежитъ черезъ Ашукинскую платформу Сѣверн. жел. дорогъ.

По довольно скверному и особенно тяжелому въ распутицу путивы приближаетесь къ усадьбѣ. Недалеко отъ мѣста, гдѣ начинается деревня Мураново, слѣва будетъ густой лѣсокъ, который обладаетъ колдовскимъ свойствомъ: попадающій въ него человѣкъ кружитъ цѣлый часъ и больше и не можетъ выйти изъ него, несмотря на то, что деревня находится въ нѣсколькихъ десяткахъ—сотнѣ саженей, и слышишь ея голоса.

Кирпичный домъ, строенный по плану поэта, производитъ оригинальное впечатлѣніе, напоминая собою отчасти англійскіе замки.

Интересна большая гостиная, идущая по ширинѣ всего дома, перегороженная арками на три части. Въ ней много старыхъ семейныхъ портретовъ. Среди нихъ есть одноглазой красавицы госпожи Наврозовой,

Акварель—комната минскаго губернаторскаго дома въ 30-хъ годахъ, въ бытность губернаторомъ писателя Н. В. Сушкова, женатаго на Д. И. Тютчевой.

рожденной Энгельгардтъ. Авторъ „Семейной хроники" и „Записокъ Багрова внука" С. Т. Аксаковъ написалъ этому уединенному глазу похвальное стихотвореніе.

Хотя одинъ, но несравненный:
Такая участь вамъ дана—
И одно солнце во вселенной,
И въ небесахъ одна луна.

Эта одноглазая красавица, дѣйствительно, очень вальяжна и очень мила...

Хороши также портреты родственниковъ мурановскихъ владѣльцевъ — александровскихъ вельможъ графа Вязмитинова и графа Остерманъ-Толстого.

Кабинетъ хозяина съ еще другими интересными многочисленными семейными портретами,

Лѣстница во второй этажъ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

ъ которыхъ выдѣляется портретъ эта Тютчева семилѣтнимъ мальчи-мъ въ смѣшномъ дѣтскомъ костюм-икѣ того времени.

Вотъ портретъ бывшаго по женѣ въ родствѣ съ поэтомъ Тютчевымъ и крестившаго у него сына, графа М. Н. Муравьева (Виленскаго), съ собственноручно подписаннымъ поэтомъ его четверостишіемъ на смерть Муравьева:

На гробовой его покровъ
Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова простыя:
Не много бъ было у него враговъ,
Когда бы не твои, Россія!

Въ кабинетѣ втораго сына мурановской помѣщицы, Н. И. Тютчева, находящемся въ нижнемъ этажѣ, большое количество цѣнной бронзы, фарфора, семейныхъ миніатюръ и, между прочимъ, помѣщаемая здѣсь старая наивная акварель, представляющая комнату губернаторскаго дома въ Минскѣ въ концѣ 30-хъ годовъ. Въ это время тамъ проживали губернаторъ Н. В. Сушковъ и его жена, Дарья Ивановна, сестра поэта Тютчева.

Превосходное и многочисленное художественное собраніе Н. И. Тютчева въ Москвѣ заслуживаетъ особаго вниманія и отдѣльнаго описанія.

Оригинальна уютная столовая съ колонками, маскирующими двери буфета, и бывшая дѣтская классная съ дверями на террасу, и самая терраса, утопающая лѣтомъ въ цвѣтахъ. Такъ какъ хозяйка очень любитъ растенія, то садовая часть въ Мурановѣ стоитъ высоко.

Анастасія Львовна Боратынская, рожд. Энгельгардтъ, съ акварельнаго портрета неизвѣстнаго автора.

Какъ уютенъ верхъ со своимъ громаднымъ фонаремъ—горизонтальнымъ окномъ въ крышѣ! Среди милой мебели краснаго дерева встрѣчается столько интересныхъ вещей.

Вотъ комната старшаго сына Мурановской хозяйки. Въ ней та конторка, за которой писалъ свои статьи Аксаковъ, и подаренная Аксакову Скобелевымъ, за нѣсколько дней до его внезапной смерти, большая фотографія съ подписью.

Тутъ же образъ, подаренный поэту Тютчеву дядькой его Хлоповымъ, который въ первые годы его долгой жизни въ Мюнхенѣ по дипломатической службѣ находился

Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ, съ акварельнаго портрета неизвѣстнаго художника.

при баринѣ, какъ голосъ родины. Съ другой стороны образа отмѣчены всѣ важнѣйшія событія въ жизни поэта.

За цвѣтникомъ съ одной стороны пролегаетъ проѣзжая дорога въ усадьбу. За нею большой широкій лугъ, сбоку котораго стоитъ сельская школа, помѣщающаяся въ домѣ помѣщицы. А далѣе воспѣтый Боратынскимъ прудъ съ островами и мельницей.

Съ другой стороны домъ смотритъ на другой обширный цвѣтникъ. Въ сторонѣ домикъ-особнякъ комнатъ въ семь, прелестно меблированный, куда всякое лѣто пріѣзжала вдова поэта, Эрнестина Фед. Тютчева, бывшая вдова графа Дорибергъ, рожденная баронесса де-Пфеффель, баварка, прелестная, нарядная, аристократическая старушка.

За цвѣтникомъ съ теплицами, небольшая домовая церковь, у которой свѣжая могила безвременно скончавшагося нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургѣ Ивана Фед. Тютчева.

За церковью начинается густой, немного темный паркъ, въ которомъ какъ-то мистически жутко, словно въ немъ живутъ какіе то духи. Съ другой стороны, мимо скотнаго двора и крытыхъ дерномъ крышъ ледниковъ, вы проѣзжаете къ колодцу со студеной водой, который питаетъ усадьбу, а тамъ лѣса помѣщичьи, сливающіеся съ удѣльными лѣсами...

* * *

Роща въ Мурановѣ насажена Боратынскимъ, и тогда тутъ вылились слѣдующія его строки:

. . . . . несетъ рука моя
Зародыши дубовъ, елей и сосенъ.
Пусть вѣрую, простясь я съ лирою моей,
Что нѣкогда ее замѣнятъ эти
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучія и сумрачныя дѣти.

Значеніе Муранова въ жизни Боратынскаго вполнѣ опредѣляется словами его же стихотворенія, посвященнаго Муранову:

Тамъ сердце томное, больное обрѣло
Отвѣтъ на все, что въ немъ горѣло,
И снова для любви, для дружбы расцвѣло
И счастье вновь уразумѣло.

Поэтъ Евгеній Абрамовичъ Боратынскій, съ портрета приписываемаго К. Брюллову.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASE

гостиной съ семейными портретами—въ углу портретъ „одноглазой красавицы".

И, конечно, этими словами онъ расширительно опредѣлялъ значеніе для него всей семьи Энгельгардтъ, въ которой онъ нашелъ свою судьбу.

Зиму 1841 года, когда строился въ Мурановѣ домъ, Боратынскіе провели въ трехъ верстахъ отъ Муранова, въ сельцѣ Артёмовѣ. И вотъ что писалъ оттуда Боратынскій:

„Подмосковная зимой—убѣжище мира болѣе глубокаго и болѣе полной тишины, чѣмъ деревни внутренней Россіи. Нашъ домъ сейчасъ имѣетъ видъ маленькаго университета. У насъ пять иностранцевъ, между которыми случай доставилъ намъ и прекраснаго преподавателя рисованія. Наша жизнь мало разорительна, и выгоды, которыя мы надѣемся извлечь изъ эксплоатаціи лѣса, позволятъ намъ сдѣлать многое для образованія дѣтей. Въ ожиданіи же, они и ихъ учителя оживляютъ наше одиночество".

Для Боратынскаго тихая прелесть Муранова должна была сливаться со свѣтившимъ ему до конца его дней обаяніемъ его жены, Настасьи Львовны.

Я часто въ Мурановѣ вглядывался въ ея портреты. Безъ красоты, отъ этого лица вѣетъ какой-то высокой прелестью, какой-то умиряющею тайною кроткой, но сильной женственности.

Боратынскій былъ человѣкъ съ раненой душой. На его природную меланхолію палъ еще глупый проступокъ, совершенный имъ въ отрочествѣ во время ученія въ Пажескомъ корпусѣ и лишившій его той карьеры, которую ему пророчили его способности и родственныя связи.

Женщина исключительнаго ума и тонкой духовности, Настасья Львовна дала полное счастье и успокоила мятежный духъ поэта. И то, чѣмъ она была для него, Боратынскій выразилъ въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ стихотвореній.

Когда, дитя и страсти и сомнѣнья,
Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя,—
Рѣшилась ты дѣлить его волненья,
Въ немъ таинство печали полюбя.
Ты, смѣлая и кроткая, со мною
Въ мой дикій адъ сошла рука съ рукою,—
Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь.
О, сколько разъ къ тебѣ, святой и нѣжной,
Я приникалъ главой моей мятежной,
Съ тобой себѣ и небу вѣря вновь.

Кабинетъ Н. И. Тютчева.

Угловая комната. На стѣнѣ пастель, изображающая семью Энгельгардтъ. Двѣ младшія дѣвочки—Путята и Боратынская. На столѣ бюстъ поэта Боратынскаго.

Настасья Львовна Боратынская принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя не мѣшали, а помогали поэтической натурѣ мужчины въ его жизни и его творчествѣ.

Много литературныхъ сокровищъ хранится въ мурановскихъ ящикахъ. Тутъ большая часть оригиналовъ стиховъ Боратынскаго, громадная переписка Тютчева—письма его къ женѣ, письма Аксакова, письма любимой дочери поэта отъ второго брака, рано умершей Маріи Фед., бывшей въ замужествѣ за героемъ Севастопольской войны, морякомъ флигель-адъютантомъ Бирилевымъ.

Это усадьба того типа, какой описанъ въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ" Толстого, далекая отъ размѣровъ и великолѣпія дворца, но снабженная всѣмъ, что нужно для человѣка, привыкшаго къ культурному образу жизни и къ комфорту.

Но главное въ Мурановѣ это тѣ воспоминанія, которыя связаны съ лицами, имѣвшими къ нему отношеніе, это печать мысли и чувства.

Ерёе.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА

Рѣзаный изъ бумаги силуэтъ—„Евгеній Онѣгинъ". В. Гельмерсена.

Мы сошлись на свиданье случайно
Въ садъ, объятый вечернею тайной.

На скамейкѣ подъ яблонью старой
Мы сидѣли смущенною парой.

Ароматы струили съ куртины
Резеда и левкой и жасмины;

Опьяняя, какъ томныя грезы,
Распускалися алыя розы,

И укропа духъ пряный и сладкій
Донесли огородныя грядки.

Съ любопытствомъ лукаво и смѣло
Сквозь деревья луна къ намъ смотрѣла.

Мы, глаза опустивши, молчали,
Но сердца наши громко стучали.

Словно тщетнымъ томясь ожиданьемъ,
Они сами спѣшили признаньемъ;

Словно высказать сами пытались,
Чего мы имъ открыть не рѣшались.

Ночь пришла, но земля не заснула.
Отъ пруда вѣткомъ потянуло.

Заливались въ немъ хоромъ лягушки,
Имъ кузнечикъ отвѣтилъ съ опушки,

И назойливый рой комариный
Взвился маршемъ побѣднымъ надъ тиной.

За деревьями домъ двухъ-этажный
Наблюдалъ насъ серьезный и важный.

А надъ нами, срываясь съ крыши,
Проносились летучія мыши.

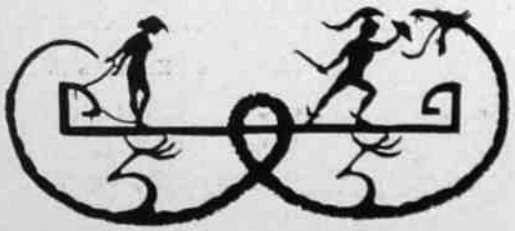
Но, внимая концерту природы,
Не давали сердцамъ мы свободы

И, пылая нѣмыми устами,
Не могли мы мѣняться словами.

Только взоръ твой глубокій и чистый
Отуманился влагой лучистой.

Какъ алмазы, въ немъ слезы блистали,
Слезы первой любви и печали...

М. Мазаевъ.



„Персей и Андромеда". Силуэтъ изъ бумаги В. Гельмерсена.

ВО ЛЬВОВѢ.

(Изъ записной книжки).

... Соотвѣтствующею нашему Невскому является улица Эрцъ-герцога Людвига Карла, съ ранняго утра она полна пестрою и оживленною толпою: наши офицеры и солдаты, сестры милосердія, русскія и польки, австрійскіе военные врачи и санитары, мѣстные щеголи, русины въ своихъ національныхъ костюмахъ, дамы и дѣвицы, однотипныя съ нашими варшавянками, наши и уніатскіе священники, ксендзы, русскіе купцы, монахи и монахини различныхъ орденовъ, мальчишки, неистово выкрикивающіе названія русскихъ и польскихъ газетъ, евреи съ пейсами и безъ оныхъ, наши чиновники, понаѣхавшіе на гражданскія мѣста въ Галиціи, городская милиція, наши городовые, нищіе съ шарманками, восточные человѣки—все это давало въ суммѣ калейдоскопическое впечатлѣніе. Со всѣхъ сторонъ звучатъ гудки, и проносятся автомобили военные и Краснаго Креста. Въ эти хаотическіе звуки время отъ времени вплетается мелодичный перезвонъ костельныхъ колоколовъ.

Многіе магазины щеголяютъ красивыми витринами; цѣны на товары подняты въ два и три раза. Въ цукерняхъ по вечерамъ играетъ музыка, и онѣ полны военной и штатской публикой; не мало и дамъ, тщательно слѣдящихъ за модой. Работаютъ театры и кинематографы. Трудно повѣрить, глядя со стороны, что такъ близко отъ Львова разыгрывается небывалая въ исторіи міровая борьба.

Передъ отъѣздомъ на передовыя позиціи я побывалъ въ госпиталяхъ и началъ съ санаторія графини Потоцкой. Онъ оказался устроеннымъ по послѣднему слову науки и комфорта. Особенно выдѣлялась операціонная, со свѣтомъ сверху и сбоку черезъ зеркальное во всю стѣну окно.

Сестры милосердія здѣсь—польки изъ лучшаго общества; онѣ съ трогательною заботливостью относятся къ нашимъ раненымъ. Когда я сидѣлъ у стараго знакомаго, тяжело раненаго генерала, вошла сестра и принялась усердно подметать комнату; насъ позна-

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА ASG

...ли. Она, не отрываясь отъ работы, весело сказала нѣсколько ...езныхъ фразъ и, окончивъ дѣло, вышла.

— Это графиня Дрогоевская,—обратился ко мнѣ генералъ—она вслѣдствіе войны потеряла все свое состояніе, въ 12 милліоновъ гульденовъ...

Съ меньшимъ, но все же достаточнымъ комфортомъ устроены госпиталя для солдатъ въ университетскихъ клиникахъ. Прекрасно также обставленъ госпиталь въ „Sacrè Coeur", обслуживаемый монахинями. Среди нихъ оказалась дочь нашего сенатора Клингенберга, уже одиннадцать лѣтъ надѣвшая монашескій клобукъ и, несмотря на красоту и положеніе, навсегда отказавшаяся отъ всѣхъ радостей жизни.

Изъ Львова я выѣхалъ на Раву Русскую, Белжецъ, Томашевъ, и далѣе на Варшаву, по слѣдамъ недавнихъ боевъ. За Жолкѣвомъ, когда то резиденціей гетмана Жолкѣвскаго, а позднѣе и Яна Собѣскаго, начались сожженныя деревни, отъ которыхъ торчали одни трубы, разрушенные австрійцами и наскоро возобновленные мосты, громадныя воронки на поляхъ отъ взрывовъ тяжелыхъ снарядовъ, ряды покинутыхъ траншей, въ разныхъ направленіяхъ извивавшихся на пахоти, обгорѣлыя станціи желѣзной дороги, проложенной параллельно шоссе, сломанные зарядные ящики, повозки, лазаретныя линейки, трупы палыхъ лошадей, надъ которыми вилось воронье—все это находило себѣ объясненіе въ одномъ короткомъ словѣ: война. Мнѣ особенно памятно одно имѣніе, въ которое я свернулъ съ дороги, чтобы ближе посмотрѣть на разгромъ. Большой каменный „палацъ" зіялъ разбитыми зеркальными окнами, у подъѣзда валялась исковерканная, обитая старымъ гобеленомъ мебель.

Въ комнатахъ были разбиты всѣ зеркала, изрѣзаны портреты предковъ. Въ большой залѣ виднѣлись слѣды потухшаго костра, и почернѣли отъ дыма всѣ стѣны: очевидно, сюда стащили мебель, зажгли и ушли въ увѣренности, что сгоритъ весь домъ, но онъ случайно уцѣлѣлъ. Всюду полы были усѣяны разорванными и затоптанными книгами, письмами, открытками. Я поднялъ одну изъ нихъ и прочелъ на адресѣ фамилію польскаго магната, друга убитаго наслѣдника австрійскаго престола; для него здѣсь устраивались грандіозныя охоты, на которыя съѣзжалась вся галиційская знать. Впечатлѣніе было тяжелое: жаль было такъ безжалостно растоптанной красивой жизни. Я прошелъ въ вѣковой паркъ: на зеркальной поверхности пруда плавали два черныхъ лебедя!..

Ю. Елецъ.

КОЛЛЕКЦІИ П. Л. ВАКСЕЛЯ.

У каждаго коллекціонера почти всегда есть какая-нибудь излюбленная спеціальность: у одного, напримѣръ,—стильныя издѣлія изъ бирюзы XVIII и начала XIX вѣка (у М. П. Фабриціуса), у другого—рукописные экземпляры книгъ съ помѣтками ихъ знаменитыхъ авторовъ и корректурные къ нимъ листы вмѣстѣ съ печатными оттисками этихъ книгъ, вся полная исторія зарожденія извѣстнаго литературнаго произведенья (у американца мистера Юнга), у третьяго—автографы композиторовъ и ревнителей музыки опредѣленной эпохи (у В. В. Безекирскаго).

Обширный музей Пл. Львов. Вакселя интересенъ тѣмъ, что совмѣщаетъ въ себѣ разнообразіе предметовъ, и любой изъ нихъ представленъ въ рѣдкой полнотѣ для частной коллекціи.

Вотъ наглядная картина въ цыфрахъ: рукописей, относящихся къ исторіи, литературѣ и искусствамъ, насчитывается около 3.500 номеровъ, рисунковъ до 1.000, фотографій, иллюстрирующихъ исторію искусства — 40.000 листовъ.

Нѣкоторый общій обзоръ этихъ автографовъ былъ какъ-то сдѣланъ въ Парижѣ—Этьенномъ Шарав въ журналѣ „Revue des autographes", и Фишеръ фонъ-Кёслерштаммомъ въ Вѣнѣ („Adressbuch für Autographensammler"), а музыкальную часть коллекціи, которую сталъ составлять П. Л. Ваксель съ 1871 г. вмѣстѣ со своимъ другомъ (умершимъ теперь), Брашемъ, описалъ онъ самъ въ 1883 г. („Театр. и Музык. Вѣстникъ").

Надо сказать, что все, относящееся къ Россіи, кромѣ, впрочемъ, музыки и живописи, составитъ мою слѣдующую статью, такъ какъ этотъ отдѣлъ переданъ П. Л. Вакселемъ своему продолжателю и ученику въ области коллекціонерства, Э. П. Юргенсону.

* * *

Среди коронованныхъ особъ и замѣчательныхъ дѣятелей встрѣчаются и Фридрихъ Великій, и Шарль Орлеанскій (1391—1465), и Карлъ V испанскій, Густавъ Адольфъ, Наполеонъ Бонапартъ со всѣми своими генералами, легендарный король португальскій Себастіанъ (1557 г.), С. Баторій, Ньютонъ, Маколей, Дарвинъ, Гольдони, Боссюэтъ, Ренанъ, Мицкевичъ... Есть двѣ прекрасно сохранившіяся грамоты на пергаментѣ съ печатями въ футлярахъ: королевы шведской Христины и польскаго короля Михаила Вишневецкаго (1672 г.).

П. Л. Ваксель. Рис. В. Боброва.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣднее письмо Маріи Стюартъ къ герцогу Гизу, отъ 24 ноября 1586 г., на французскомъ языкѣ, посланное изъ тюрьмы. Привожу главнѣйшія выдержки изъ него.

„Мой добрый кузенъ, самый дорогой для меня на свѣтѣ, прощаюсь съ вами — несправедливо приговоренная къ смерти, какой еще, слава Богу, никто не зналъ изъ нашего рода. Очевидно я ненужна ни землѣ ни Господу, ни церкви. Надѣюсь, что мой конецъ докажетъ твердость моей вѣры, а скорость моей смерти послужитъ поддержкой католичества на этомъ бѣдственномъ островѣ. Такъ какъ до сихъ поръ ни единый палачъ не осмѣливался проливать нашей крови,—не стыдитесь теперь, мой другъ: приговоръ, произнесенный еретиками и врагами церкви, не имѣетъ никакого значенія для меня, свободной королевы... Поручаю вамъ моихъ несчастныхъ служащихъ и уплату моихъ долговъ и прошу васъ ежегодно совершать поминовеніе моей души, но не за свой счетъ, а на тѣ суммы, что вы исходатайствуете изъ казны; тогда-же наградите и моихъ бѣдныхъ слугъ, которымъ суждено сдѣлаться свидѣтелями моей послѣдней трагедіи. Вы получите отъ меня сувениръ, и онъ будетъ вамъ напоминать—молиться о моей злополучной душѣ, оставленной безъ всякой поддержки и совѣта, кромѣ Божьяго, который даетъ мнѣ силы и смѣлость устоять противъ стаи воющихъ волковъ... Вѣрьте всему, что вамъ скажетъ одна особа, когда передастъ вамъ мое рубиновое кольцо. Моя совѣсть порукой въ томъ, что вамъ станетъ извѣстна вся правда. Очень прошу только сохранить въ тайнѣ этотъ разговоръ, такъ какъ иначе людская зависть можетъ повредить лицу, исполняющему мою волю... Пускай никогда не проливается кровь въ нашей семьѣ въ борьбѣ за вѣру! Что же касается меня, то я рада отдать ее и не намѣрена вовсе отрекаться отъ Христа, Распятаго за насъ... Для того, чтобы меня унизить, у меня отняли мой балдахинъ („mon dayz"), а затѣмъ явился тюремщикъ и предложилъ написать просьбу *его* королевѣ. Вмѣсто моего герба, что былъ на балдахинѣ, я указала на крестъ моего Спасителя. Съ этихъ поръ они начали относиться ко мнѣ помягче".

Вотъ молитва въ стихахъ, „гимнъ роялистовъ", принадлежащій перу Руже де Л'Иля, автора „Марсельезы". При чтеніи невольно вспоминается наше „Боже, царя храни!"

„Dieu conserve le Roi, l'espoir de la patrie,
Son Elu, son recours, le rempart de la loi!
Qu'il régne heureux longtemps sur la France attendrie;
Dieu conserve le Roi!

* * *

Qu'il régne heureux longtemps; que sa main paternelle
Chasse au loin la discorde, et le crime, et l'effroi;
Qu'elle ouvre les trésors d'une paix éternelle;
Dieu conserve le Roi!

* * *

Quand le trône debout sur la base sacrée
Repose soutenu par le peuple et sa foi,
Que le Roi soit le noeud de l'union jurée;
Dieu conserve le Roi!"

Выдающійся португальскій политическій дѣятель, поэтъ, ученый и публицистъ, Теофиль Брага, тотъ самый, который въ 1910 г. сталъ во главѣ временнаго правительства въ Лиссабонѣ, въ письмѣ къ П. Л. Вакселю (въ 1868 г.) признался, что онъ уже давно панславистъ. Любопытны причины, высказанныя имъ по этому поводу.

„Въ V вѣкѣ латинскій геній является совершенно дряхлымъ, угасающимъ; отсюда возникла потребность обновленія его путемъ германизаціи. Въ XIX вѣкѣ, въ эпоху регулярныхъ армій, конституціонныхъ монархій, несмѣняемыхъ судей, общественной благотворительности, геній западной Европы какъ бы снова изсякъ и, естественно, выдвинулось господство славянскихъ племенъ, какъ бы для уравновѣшенія великой древней индо-европейской расы. Такимъ образомъ панславизму надлежитъ сыграть въ XIX столѣтіи

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

„Елка".
Рис. перомъ А. Боголюбова.

ту же роль, которая выпала германцамъ въ V вѣкѣ. Эта эволюція совершится своимъ обычнымъ ходомъ безъ участія какихъ либо проповѣдниковъ или памфлетистовъ; все произойдетъ само собой".

Великій гуманистъ Вильямъ Теккерей обратился къ одной своей знакомой дамѣ съ такимъ въ высшей степени оригинальнымъ письмомъ:

„Если вы меня спросите, почему такъ долго не имѣли отъ меня ни строки, то позвольте и мнѣ задать вамъ тотъ-же самый вопросъ. У меня, впрочемъ, на ваше замѣчаніе есть прекрасное извиненіе. Я писалъ къ вамъ въ Кильморъ изъ Голландіи, изъ Лувена, изъ Руана, но не получалъ отвѣта. Ну, да! Чѣмъ-же другимъ я могъ объяснить себѣ ваше молчанье, какъ не однимъ только неудовольствіемъ или забывчивостью? Правъ-ли я въ моемъ выводѣ—не желаю предрѣшать, но долженъ признаться, что тысячу разъ, въ свою очередь, старался забыть тѣхъ, которые меня позабыли, и вырвать изъ памяти ихъ имена; съ этой цѣлью я ложился на весь день въ постель, чтобы хоть сонъ разсѣялъ всякія воспоминанія о нихъ. Скажу больше, если мой слуга пытался заговаривать со мной о нихъ—я швырялъ въ него сапогами, готовъ былъ даже отравить его скверными обѣдомъ. Да, я хотѣлъ это сдѣлать! И все-же я продолжалъ потомъ писать въ Кильморъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, пришелъ къ заключенію, что вы смотрите на мои письма—какъ на прошенія нищаго, а не какъ на посланія друга и, чего добраго, приписываете ихъ моей неискренности. Поразмыслите-ка о томъ, о чемъ я вамъ сейчасъ пишу! Искренно къ вамъ расположенный В. М. Теккерей".

* * *

Въ музеѣ П. Л. Вакселя имѣется цѣлая „Моцартіана". Въ одномъ изъ писемъ Моцарта къ женѣ встрѣчается трогательная фраза: „когда я писалъ тебѣ—нѣсколько слезинокъ скатилось на бумагу... но теперь будемъ опять веселѣе"...

Глядишь и напрасно стараешься найти слѣды этихъ слезъ...

Вѣетъ благородствомъ отъ красиваго афоризма Аделаиды Ристори: „L'arte è una scintilla dell'intelligenzo di Dio" (искусство—искра божественнаго разума).

Сохранилось прошеніе слуги знаменитаго польскаго патріота Костюшка, Николая Вуароля, къ президенту республики и асессору военнаго совѣта въ Берцѣ по поводу призыва новобранцевъ въ 1816 г. Проситель ссылается на то, что онъ поступилъ въ услуженіе къ генералу Костюшку, который относится къ нему съ отеческой заботливостью и даетъ ему образованіе. Поэтому Вуароль умоляетъ освободить его отъ воинской повинности. Самъ Костюшко сдѣлалъ собственноручно такую приписку по-французски: „Имѣю честь просить ваше превосходительство позволить моему слугѣ остаться у меня и снизойти къ моему положенію, такъ какъ мнѣ будетъ крайне затруднительно найти другого работника, способнаго совершать со мной постоянныя путешествія". Рѣдкій документъ, дающій любопытныя черточки къ исторіи нравовъ сто лѣтъ назадъ.

„Домъ въ Рауданахъ".
Рис. В. Боброва.

„Библейскій сюжетъ".
Рис. Тьеполо.

„Отдыхающій рыцарь".
Рис. А. Орловскаго.

Интересный литературный матеріалъ даетъ письмо Вольтера къ Людовику XV: „Ваше Величество. Возвращаю Вамъ первый томъ. Это не я залилъ его чернилами. Скажу нѣсколько словъ насчетъ скудости человѣческаго ума. Я передѣлывалъ сегодня пять разъ на различные лады маленькую фразу изъ *Генріады* и все-таки не вспомнилъ того оборота, что придумалъ мѣсяцемъ раньше. Что-же это доказываетъ, какъ не то, что геній не всегда одинъ и тотъ-же и что нельзя имѣть ту-же самую мысль дважды въ своей жизни. Нужно постоянно ждать подходящаго момента,—какое собачье ремесло („quel chien de métier")... Но оно, впрочемъ, имѣетъ свои прелести. Творчество пополняетъ одиночество и жизнь тогда, по моему мнѣнію, становится счастливой. Мой бѣдный геній, совершенно изношенный, цѣлуетъ очень почтительно стопы и крылья вашего генія".

Къ особо цѣннымъ реликвіямъ музея П. Л. Вакселя, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести сонетъ, принадлежащій автору

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

„Въ портерной". Рис. В. Е. Маковскаго.

„Въ киргизской степи". Рис. В. Штернберга.

„Тиволи".
Рис. Клода Лоррена.

„Тальони".
Подпись и рисунокъ К. П. Брюллова.

„Арка Януса въ Римѣ".
Рис. поэта В. А. Жуковскаго.

„Освобожденнаго Іерусалима" (1575 г.). Торквато Тассо обращается въ немъ къ Лоренцу Медичи, дѣлая немного неясные для насъ намеки на какую то его сомнительную дѣятельность. Вотъ этотъ сонетъ въ прозаическомъ переводѣ.

„Счастливый горный склонъ, гдѣ искусство и природа соединили свои дары, изысканные и благодатные. Но кто-же здѣсь омрачаетъ небо, землю и море, проводя время въ чрезмѣрныхъ наслажденіяхъ? Призываю небеса, цвѣты, зелень, чудныя деревья и всѣ дорогія существа,—пускай они изъ теплыхъ и изъ холодныхъ странъ полюбуются на дѣла этого благороднаго затѣйника. Стряхнувъ съ себя всѣ тягости, съ веселымъ сердцемъ и спокойной душой, гордо поднявъ голову, вдали отъ суеты слѣпого свѣта, пусть дышитъ свободно Джанъ Лоренцо и среди святыхъ и важныхъ заботъ своихъ проводитъ день въ ликованьи. Тѣни и растенья, пролейте на него свою сладость". Въ каждой строкѣ чувствуется ѣдкій ядъ сатиры.

Знаменитая трагическая актриса m-lle Жоржъ (Маргарита-Жозефина Вейморъ), сумѣвшая перейти изъ бродячей труппы на сцену „Французской комедіи" и пѣвшая перваго консула Наполеона Бонапарта, была знакома и старому Петербургу, гдѣ съ 1808 по 1812 годъ

пользовалась шумнымъ успѣхомъ. Вотъ сохранившееся ея письмо къ директору театра: „Прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе, въ которомъ мнѣ никогда не отказывалъ вашъ коллега, а именно — присутствовать на моемъ бенефисѣ сегодня вечеромъ (8 іюня 1844 г.). Хотя повышенныя цѣны назначены мною съ разрѣшенія „préfet de police" и сравнительно скромномъ размѣрѣ, но все-же это льститъ моему самолюбію. Вѣдь, по ангажементу я имѣю лишь одинъ бенефисъ, доходъ съ котораго составляетъ часть моего жалованья". Даже для великихъ артистокъ презрѣнный металлъ служилъ не только источникомъ благосостоянія, но и своего рода мѣриломъ успѣха въ глазахъ толпы!

Изящный повѣсавистъ Проспперъ Мериме въ запискѣ къ Василію Пушкину, говоря о какомъ-то Тургеневѣ, который не числился въ спискѣ эмигрантовъ, между прочимъ касается перевода на русскій языкъ „Иліады" и находитъ, что въ немъ попадаются иногда слишкомъ современныя слова („quelques mots qui me semblent trop modernes"). „Но, можетъ, я невѣрно сужу о достоинствахъ русскихъ выраженій",—осторожно прибавляетъ онъ:—„depuis que j'ai fait sangler un homme au lieu de la faire fumer, je me méfie beaucoup de mes interpretations".

Курьезно письмо Генриха Гейне à son cher Marie, заканчивающееся такой фразой: „Сегодня я уже написалъ главу, гдѣ выбрасилъ весь міръ, commençant

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА

: Bon Dieu et finissant
otre très humble servi-
Н. Н.".

Вы помните стихи Альфреда де-Мюссе, обращенные къ друзьямъ?

„Mes chers amis, quand je mourrai,
Plantez un saule au cimetière.
J'aime son feuillage éploré,
La paleur m'en est douce et chère,
Et son ombre sera légère
A la terre où je dormirai".

Они вырѣзаны на памятникѣ усопшаго поэта. Высохшая вѣтка ивы хранится въ музеѣ П. Л. Вакселя на листѣ пожелтѣвшей бумаги, на которомъ написано это поэтическое завѣщаніе.

Любопытно, что Лафонтенъ, Бомарше, Ньютонъ и Байронъ фигурируютъ какъ авторы долговыхъ обязательствъ.

* * *

Что сказать объ отдѣлѣ музыкальномъ? Право, скорѣе можно указать, кого нѣтъ, чѣмъ перечислить тѣхъ, кто есть. Тутъ и письма дѣятелей музыки и пѣнья и цѣлыя партитуры. Напримѣръ, укажу какъ на особую рѣдкость, на рукопись предшественника Шопена, Джона Фильда, того самаго, котораго англичане называли „the Russian Field", на автографъ большого португальскаго композитора, короля Іоанна IV, основателя браганцской династіи, на партитуру Сарти, написанную по заказу Потемкина („Слава въ вышнихъ Богу"),—концертъ подъ аккомпаниментъ пушечныхъ выстрѣловъ, при чемъ славянскій текстъ написанъ латинскими буквами, и на два партитурныхъ листа Бетховена.

Затѣмъ идутъ: полная партитура „Salve Regina" Шуберта, неизданный еще речитативъ Валентины изъ „Гугенотъ" Мейербера, чрезвычайно интересное письмо изъ Байрета Вагнера, въ которомъ онъ на хорошемъ французскомъ языкѣ благодаритъ за выборъ его членомъ общества „des amis du divorce" (1881 г.), условія ангажементовъ легендарной колоратурной пѣвицы Анджелики Каталани, записка К. Кавоса, автора „Ивана Сусанина", въ которой онъ отказывается отъ наслѣдства, письма Ф. Шопена, Листа, Россини...

Піанистъ высокаго музыкальнаго интеллекта, Гансъ-Гвидо баронъ фонъ-Бюловъ 21 марта 1877 г. въ такихъ выраженіяхъ писалъ о своей нервозности американскому импрессаріо Ульману: „У меня нѣтъ ни физической силы, ни умственной. Могу себѣ позволить жить—жизнью больной устрицы,—не въ состояніи ни играть на роялѣ, ни быть композиторомъ, ни думать..." А вотъ его отзывъ объ А. Рубинштейнѣ: „Доброе дѣло хотите вы предпринять—пропагандированіе *Нерона* въ Лондонѣ. Думаю, это будетъ успѣшно во всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ кажется, что эта опера А. Рубинштейна выше его *Маккавеевъ*. Какъ драматургъ-музыкантъ онъ — восходящее свѣтило".

Упомяну еще объ интересныхъ письмахъ (нерѣдко съ рисунками) художниковъ и артистовъ, гдѣ красуются такія имена, какъ скульпторъ Канова, Альма Тадема, Гаррикъ, Айра Олдриджъ, Патти, Сальваторъ Роза, Тальони, Тальма, Кинъ, Кнаусъ, Ленбахъ, Віардо...

* * *

Передо мной еще нѣсколько папокъ съ великолѣпными, подчасъ очень цѣнными рисунками и гравюрами, изъ которыхъ нѣкоторыя воспроизводятся въ этомъ номерѣ.

Главный „гвоздь" собранія, безъ сомнѣнія, архитектурный эскизъ 20—30-хъ годовъ XVI вѣка, принадлежащій ученику Рафаэля, Джулію Романо, глубокому знатоку антиковъ. Далѣе слѣдуютъ К. Брюлловъ (набросокъ перомъ „Тальони" и рѣдчайшая, единственная его гравюра „мужскія фигуры") и „русскій Ванъ-Дейкъ", Орестъ Кипренскій (мужской портретъ, портретъ актера Дмитревскаго и „Вознесеніе"). В. А. Бобровъ далъ интересную галлерею типовъ изъ имѣнія „Рауданы", Ковенской губ., гдѣ имѣется замокъ, въ которомъ былъ убитъ Гедиминъ.

Ученикъ Шишкина, Ѳ. Васильевъ, владѣвшій удивительнымъ умѣньемъ гармонировать цвѣта, блещетъ сочнымъ рисункомъ, изображающимъ лѣсъ, а „русскій Рафаэль", Алексѣй Егоровъ, трактуетъ свой излюбленный сюжетъ „Мадонну".

Оригинально пригласительное письмо на елку „общества взаимнаго вспоможенія и благотворительности русскихъ художниковъ въ Парижѣ" за подписью предсѣдателя А. Боголюбова и секретаря Ивана Тургенева, при чемъ Боголюбовъ тутъ-же изобразилъ перомъ громадную елку (12 января 1883 г.).

Я перечислилъ совсѣмъ мало рисунковъ, а ихъ сотни, и все имена выдающихся художниковъ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

„Офицеръ гоголевской эпохи".
Каррикатура Л. Н. Вакселя.

„Фридрихъ Великій".
Рис. Д. Ходовецкаго.

„Мужской портретъ".
Рис. О. А. Кипренскаго.

„Актеръ Дмитревскій".
Офортъ О. А. Кипренскаго.

„Столѣтній жмудякъ". Рис. В. Боброва.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Орхидейная оранжерея сада.
Cypripedium Boxallii (Башмачекъ Венеры).

КРАСИВЫЙ ПЕТРОГРАДЪ.

Императорскій Ботаническій садъ въ Петроградѣ.

Соб. фот. „Ст. и Ус.".

Новое зданіе для гербарія.

Орхидейная оранжерея сада.
Catlea Trianei и Coelogyne Cristata.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Генералъ-отъ-инфантеріи Николай Николаевичъ Янушкевичъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Юрій Никифоровичъ Даниловъ.

БЛИЖАЙШІЕ СОТРУДНИКИ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

Генералъ-маіоръ Сергѣй Александровичъ Ронжинъ.

Генералъ-лейтенантъ Петръ Константиновичъ Кондзеровскій.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ИНСТИТУТ
АНТИКВАРИАТА
ASG

Верховный Главнокомандующій
Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Мар. Витальевна Янушкевичъ, супруга генерала-отъ-инфантеріи Ник. Ник. Янушкевича.

Екат. Алекс. Данилова, супруга генерала-отъ-инфантеріи Юрія Никифоровича Данилова.

Алек. Павл. Кондзеровская, супруга генералъ-маіора Петра Конст. Кондзеровскаго.

Дамскій лазаретъ л.-гв. Измайловскаго полка. Среди раненыхъ справа налѣво: Л. А. Дрентельнъ, рожд. Кушелева (бывш. сестра милосердія въ Японск. войну), Н. Я. Кушелева, рожд. Колзакова, К. М. Поливанова, сидитъ Л. А. Кушелева.

Петроградъ. Лазаретъ „Во имя любви къ ближнему". По серединѣ попечительница лазарета О. А. Любимова, слѣва отъ нея старшая сестра В. Н. Петриченко.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА

…йлина Лид. Влад. Никитина (дочь коман…щаго арміей), старш. сестра въ одесскомъ …ретъ имени Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Раиса Петр. Никитина, супруга командующаго арміей, предсѣдательница одесскаго комитета Краснаго Креста. Награждена георгіевскимъ знакомъ отличія.

Складъ Краснаго Креста въ Montreux въ Palace-Hôtel.

Члены комитета и постоянно работающія въ складѣ: баронесса М. П. Кноррингъ (рожд. гр. Шувалова), Е. К. Нарышкина (рожд. гр. Толь), баронесса М. А. Будбергъ (рожд. кн. Кугушева), Н. С. Эйхлеръ (рожд. Танѣева), баронесса Е. Р. Кноррингъ, Ю. Р. Ростовцева (рожд. Кноррингъ), К. А. Яворскій, гр. О. А. Гейденъ, герцогиня Е. Г. Лейхтенбергская, Ю. К. Кноррингъ (дочь М. П. Кноррингъ).

Баронесса Фел. Алекс. Шиллингъ (рожд. бар. Буксгевденъ), супруга офицера гвардіи павшаго въ бою.

Баронесса Китти фонъ-деръ-Паленъ (рожд. бар. Буксгевденъ), супруга офицера гвардіи павшаго въ бою.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Ел. Ник. Крейтонъ, работаетъ въ складѣ Мраморнаго дворца и въ лазаретахъ.

Дамы, работающія на нужды войны.

Соф. Іоах. Крейтонъ, учредительница и попечительница лазарета „Во имя любви къ ближнему".

Ольга Влад. Шабельская (рожд. Бутурова) супруга Старорусскаго предводителя Дворянства.

Сестра милосердія Е. А. Чичерина, возвратившаяся изъ германскаго плѣна.

Баронесса Ф. П. Кусова, награждена георгіевской медалью.

Тат. Ник. Аргольдъ.

Кира Ник. Добржіяновская.
(рожд. сестры Павловскія).

Ал. Ник. Старынкевичъ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА

ВЫСТАВКА ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ.

Возникшее вмѣстѣ съ христіанствомъ искусство на Руси, находилось сначала исключительно подъ византійскимъ вліяніемъ. Да и могло ли быть иначе, когда Византія являлась для всего міра источникомъ истинной красоты.

О томъ, сколь высоко было ея искусство и какое оно должно было давать другимъ направленіе, свидѣтельствуютъ ряды вещей, выполненныхъ эмалью изъ собраній И. П. Балашова, гр. А. А. Бобринскаго, Б. И. и В. Н. Ханенко и друг. Удивительная тонкость работы, строгость и благородство фигуръ и облаченій на византійскихъ иконахъ, производятъ и до сихъ поръ чарующее впечатлѣніе. Каждая вещица изготовлена тщательно, съ любовью, и потому имѣетъ свой опредѣленный характеръ, стиль и столь далека отъ современныхъ механически-шаблонныхъ, бездушныхъ вещей. Уже издавна византійскія эмали славились на весь міръ. И дѣйствительно мало что можетъ превзойти ихъ по красотѣ. Самая техника эмали, довольно сложная и требовавшая отъ мастеровъ особаго искусства, дѣлала ихъ весьма цѣнными и въ прежнее время. Нынѣ же цѣны на древнія эмали котируются на заграничныхъ рынкахъ въ десятки и сотни тысячъ франковъ. Знатокъ византійскаго искусства, спеціально занимавшійся изученіемъ эмалей, академикъ Кондаковъ такъ описываетъ ихъ изготовленіе: „приготовлялся золотой листъ; съ краевъ онъ загибался, смотря по формѣ предмета—образка, куска орнамента и проч., и образовывалъ родъ лоточка. Затѣмъ по внутренней его сторонѣ, или по дну, выполнялся шиломъ рисунокъ въ видѣ пунктира и слѣдуя по линіямъ накола эмальеръ выкладывалъ по нимъ весь контуръ изображенія тонкими золотыми ленточками, нарѣзанными по толщинѣ предполагаемаго слоя эмали, устанавливая ихъ на ребро, въ видѣ перегородочекъ, для наложенія внутри ихъ слоевъ эмаленаго порошка различныхъ цвѣтовъ. Подвергнутый дѣйствію сильнаго огня порошокъ расплавлялся и заполнялъ соотвѣтственныя перегородочки эмалевою массою, послѣ чего изготовляемый предметъ подвергался шлифованію для полученія зеркальной поверхности. Полировка эмалей достигала у византійскихъ мастеровъ высокаго совершенства".

Евангеліе рукописное изъ собора Императорскаго Зимняго дворца. Верхняя доска золотая чеканная, украшенная финифтью и драгоцѣнными камнями, по краю надпись: „Во славу Тріипостаснаго Божества Отца и Сына и Святаго Духа, построено сіе Святое Евангеліе золотое повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца къ церковь Живоначальнаго Христова Воскресенія что у него Великаго Государя вверху въ лѣта 7186 (1678) августа въ 16 день".

Евангеліе съ серебряной доской чеканной доской 1786 г., изъ собора Казанской Божіей Матери. Надпись на оборотѣ: „прожектировали доски живописные мастера верхнюю Ассесоры Иванъ и Алексѣй Бельскіе"... указываетъ на двухъ братьевъ, перспективныхъ живописцевъ, обучавшихся въ Академіи Художествъ.

Кромѣ эмалей обращаютъ на себя вниманіе и различныя рѣзныя вещи византійской работы изъ кипариса и кости: часть деревяннаго складня съ рѣзнымъ изображеніемъ Воскресенія Лазаря и Успенія Божіей Матери XII—XIII в.в.; створки другого складня изъ слоновой кости съ изображеніями святыхъ и друг. Образцомъ тончайшей византійской мозаики является образъ Николая Чудотворца XII—XIII в. изъ собранія Ханенко, въ окладѣ изъ золоченаго серебра чеканной работы. Нѣкогда онъ принадлежалъ епископальному музею въ Испанскомъ городкѣ Викѣ, близъ Барселоны и былъ изданъ проф. Кондаковымъ въ его трудѣ „Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ".

Начиная съ X вѣка, вмѣстѣ съ христіанствомъ, къ намъ стали проникать и новыя формы искусства — зодчество, выразившееся въ постройкѣ величественныхъ каменныхъ соборовъ Софіи Кіевской и Новгородской, и религіозная живопись—иконопись. Русскіе иконники, не могши довольствоваться только копированіемъ греческихъ образцовъ, изображеніе своихъ, русскихъ святыхъ, въ чисто русской обстановкѣ и національныхъ одѣяніяхъ неизбѣжно должно было внести въ иконопись новые элементы и побудить отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ византійскихъ традицій. Эта свобода творческой дѣятельности выразилась впослѣдствіи

Пелица, шитая золотомъ, серебромъ и шелками по бархату XVIII в.; орарь, шитый жемчугомъ XVII в.; поручи, съ изображеніемъ Благовѣщенія; епитрахиль, вышитый золотомъ по красному шелку XVII в.; воздухи и облаченія (Петропавловскій придворный соборъ).

Потиръ золотой, украшенный камнями и бриллиантами. Даръ Императрицы Екатерины II Александро-Невской Лаврѣ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА

образованіи на Руси различныхъ иконописныхъ школъ какъ то Кіевской, Новгородской, Московской, Суздальской, Строгановской, Царской и друг. Въ первой половинѣ XVII вѣка, при тишайшемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, при Оружейной Палатѣ была основана особая школа царскихъ иконописцевъ „для государевыхъ всякихъ приказныхъ и верховныхъ иконописныхъ и прибылыхъ дѣлъ и для починки образовъ вновь". Въ эту царскую мастерскую набирались лучшіе мастера, состоявшіе на постоянномъ жалованьи.

Большинство иконъ изъ собора Зимняго Дворца относится именно къ XVII вѣку. Среди нихъ особо чтимой является икона Божіей Матери Ѳеодоровской въ серебряномъ золоченомъ съ финифтью окладѣ, относящаяся къ первой половинѣ XVII вѣка. Въ ряду другихъ выдѣляются именныя иконы, вродѣ Спаса Эммануила въ прекрасномъ филигранномъ съ финифтью окладѣ XVI—XVII в. и съ надписью на оборотѣ: „Царевны Анны Іоанновны", или преп. Варлаама Хутынскаго въ золотомъ съ чернью окладѣ XVII в. принадлежавшая, судя по надписи, „Царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ", Денсуса, Божіей Матери „Умиленіе", „Взыграніе" и много другихъ, представляющихъ большой интересъ для всякаго любителя древне-русской иконописи. Особо полное представленіе о красотѣ древнихъ иконъ и объ ихъ роскошномъ убранствѣ даетъ икона Божіей Матери Владимірской въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ, украшенномъ финифтью, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ XVI—XVII в. На ткани, покрывающей оборотную сторону иконы, находится надпись: „Благословеніе Филиппа Митрополита Московскаго и Всея Россіи", а ниже— „окладъ дѣла Парамшина". Икона эта находится въ собраніи графа А. А. Мусина-Пушкина. Историческій интересъ представляютъ и нѣкоторыя иконы изъ Преображенскаго всей гвардіи собора — Божіей Матери Курской, въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ съ драгоцѣнными камнями, поднесенная курскими гражданами князю Голенищеву - Кутузову - Смоленскому въ день Мало-Ярославскаго сраженія, и икона Спаса Нерукотвореннаго Образа, принадлежавшая нѣкогда первому преображенцу С. Л. Бухвостову.

Икона, которою Императрица Екатерина II благословляла Царевну Анну Алексѣевну на бракъ съ Императоромъ Павломъ (Александро-Невская лавра).

Наряду съ иконописью большое мѣсто отведено различнымъ церковнымъ облаченіямъ и ризамъ, поражающимъ своимъ великолѣпіемъ, вкусомъ и тонкостью исполненія.

Подобно иконописи, но лишь съ иглой вмѣсто кисти и разноцвѣтными шелками взамѣнъ красокъ, созидали шитыя иконы, изображенія святыхъ и не рѣдко исполнялись цѣлыя сложныя художественныя композиціи въ которыхъ проявлялась большая творческая индивидуальность. Какъ на образчикъ такой работы можно указать на часть иконостаса съ иконами, шитыми золотомъ 1590 г. По преданію этотъ иконостасъ принадлежалъ къ походной церкви царя Ѳедора Іоанновича, а нынѣ хранится въ церкви Чесменскаго Инвалиднаго Дома Императора Николая I. Въ собраніи Гальбека находится также рядъ изумительныхъ по тонкости исполненія шитыхъ иконъ.

XVIII вѣкъ, ознаменовавшійся пріобщеніемъ русской жизни къ западной культурѣ, сказывается и въ области церковной старины, гдѣ взамѣнъ старыхъ формъ, появляются другія болѣе пышныя и парадныя. Таковы, напримѣръ вклады Екатерины II въ Александро-Невскую Лавру—золотой потиръ, украшенный камнями или золотая чеканная лампада. Къ этой же эпохѣ относятся и серебряныя пудовыя чеканной работы оклады Евангелій, и различные предметы церковнаго обихода.

Большой интересъ представляютъ ряды лицевыхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ изъ Публичной Библіотеки, Академіи Наукъ и Духовной Академіи.

С. К—въ.

Икона Божіей Матери Ѳеодоровской. Окладъ серебряный золоченый съ финифтью. Первая половина XVII вѣка. Изъ собора Императорскаго Зимняго Дворца.

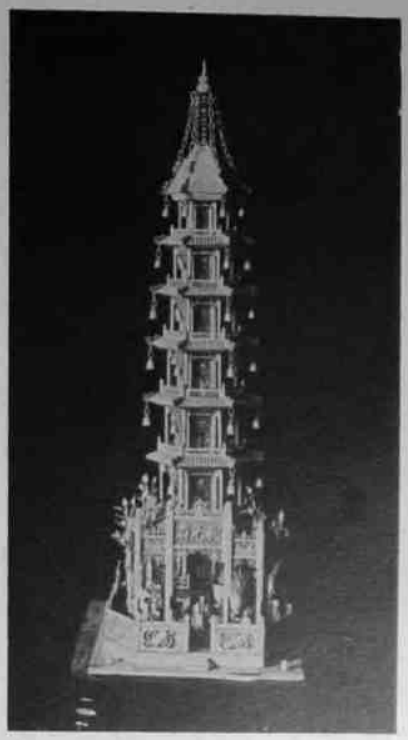
(Фот. Ксеніи Глыбовской).

Общій видъ Выставки Церковной Старины.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

中華駐俄使館

КИТАЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.



Маленькая пагода изъ слоновой кости, очень древней работы.

Члены китайскаго посольства. Въ центрѣ группы: посланникъ Ліу-Цзинъ-Женъ, по правую отъ него руку 2-й секретарь Ли-Ше-Чонгъ, по лѣвую, 1-й секретарь Чженъ-Янъ-Ши, стоятъ: 3-й секретарь Ченъ-Куаининъ и атташе: Гуанъ-Юй-Анъ и Лисифу-Люйхуа.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ИНСТИТУТ
АНТИКВАРИАТА
ASG

Посланникъ Ліу-Цзинъ-Женъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Сынъ посланника.

Супруга китайскаго посланника.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

КИТАЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Два старинныхъ панно въ рамкахъ изъ чернаго дерева. Цвѣты, фрукты и вазы на этихъ панно сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ драгоцѣнныхъ камней.

Гостиная съ китайской мебелью. Между зеркалами два старинныхъ ложа изъ чернаго дерева съ рѣзьбой. На подстановкѣ—вазы и приборы для куренія опіума. Въ большой рамѣ подъ стекломъ изображеніе государственнаго герба—краснаго дракона.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

ТРІУМФЫ Н. БОГДАНОВОЙ.

(По ненапечатанному письму ея отца).

Надежда Богданова—одна изъ первыхъ русскихъ танцовщицъ, пожинавшихъ лавры на европейскихъ сценахъ. И Парижъ, и Вѣна пятидесятыхъ годовъ восхищались ея яркимъ и красивымъ талантомъ.

Вотъ, что пишетъ, напримѣръ, отецъ балерины къ Ѳ. А. Кони о подробностяхъ выступленій дочери въ Вѣнѣ. Подробности эти являются впервые въ печати и могутъ интересовать историковъ нашей хореографической сцены. Перевожу съ письма, написаннаго Константиномъ Богдановымъ на отличномъ французскомъ языкѣ—и, конечно, только выдержки:

„Представьте себѣ, ваше превосходительство,—пишетъ Богдановъ,—что выступленіе моей дочери Надежды произвело такой эффектъ, что театръ каждый разъ, когда она танцуетъ, совершенно полонъ. Для дебюта она выбрала „Жизель", которую возобновили для нея въ Парижѣ и которую она танцуетъ, создавая какъ бы новую вещь. Публика была удивлена, что русская (танцовщица) обладаетъ всѣми превосходными качествами. Для иностранцевъ это совершенно новое впечатлѣніе, ибо они убѣждены, что ничего изящнаго не можетъ явиться съ Сѣвера. Надежда привела ихъ въ восторгъ. Въ особенности она несравненна въ „Сильфидѣ" и „Жизели". Во второмъ актѣ „Жизели" она все время танцуетъ среди живыхъ цвѣтовъ, сцена превращена въ свѣжій и благоухающій садъ, въ которомъ она летаетъ и исчезаетъ какъ легкая тѣнь, рожденная фантазіей поэта. Отъ чего вы не можете быть свидѣтелемъ тѣхъ серенадъ, ликованій и овацій, которыя моя дорогая дочь принимаетъ съ такой признательностью и съ такой скромностью! Ее не хотятъ отпускать въ Парижъ, гдѣ ее уже ожидаютъ, и оберъ-гофмейстеръ (?) умоляетъ ее остаться въ Вѣнѣ на зиму. Но она должна поѣхать въ Парижъ, а затѣмъ—ея самое страстное желаніе вернуться въ Россію: она отказывается отъ блестящихъ ангажементовъ въ Лондонѣ и Италіи. Она жаждетъ вновь увидѣть свою родину...

„Директоръ Парижской консерваторіи г. Оберъ, пишетъ, что мой сынъ на августовскомъ конкурсѣ долженъ получить первую награду по классу скрипки. Дочь моя Надежда, покидая оперу, получила отъ ея императорскаго высочества принцессы Мюратъ часы, украшенные брилліантами, а публика на прощальномъ спектаклѣ поднесла ей вѣнокъ изъ бѣлыхъ камелій, который покрывалъ собою ящикъ съ золотыми шпорами для мазурки. Прошу ваше превосходительство не отказать оповѣстить о всѣхъ этихъ счастливыхъ событіяхъ всю Россію (!) при помощи вашего талантливаго и краснорѣчиваго пера. Ваше сердце пойметъ нѣжныя чувства старика отца, который жертвуетъ всѣмъ, чтобы дать Россіи артистовъ, достойныхъ ея уваженія"...

Этой пышной патріотической фразой заканчивается письмо счастливаго родителя талантливой балерины. Можетъ быть въ немъ есть кой-какія преувеличенія—вѣдь „Сильфиду" танцовала Тальони, а „Жизель"—Гризи, но несомнѣнно, что Надежда Богданова была лучшей танцовщицей своего времени и имѣла дѣйствительный успѣхъ на двухъ лучшихъ европейскихъ сценахъ той эпохи.

И сама Надежда Богданова, „съ разрѣшенія отца", дѣлаетъ приписку къ этому письму—тоже по французски—что она „была бы счастлива имѣть въ своемъ альбомѣ фельетоны, которые вы соблаговолили написать о моихъ дебютахъ въ Парижѣ. Вѣрьте, ваше превосходительство, — заканчиваетъ она,—что не проходитъ дня, чтобы я не мечтала сдѣлаться большой артисткой, а для этого нужна большая, большая помощь"...

В. Свѣтловъ.

ВОСПОМИНАНЬЯ...

Сумерки, угрюмыя столичныя сумерки. Каменныя громады домовъ полны жизни. Горитъ керосинъ; тепло и даже уютно. Электричества, блестящаго, бѣлаго, но холоднаго, еще нѣтъ. А улица мигаетъ газовыми фонарями.

Я стою у двери кабинета директора нашей консерваторіи. Приказъ великаго Антона быть ровно въ 3 ч. Ослушаться—нельзя и подумать. Въ кабинетѣ тихо. Вхожу. Два рояля чернѣютъ, удлинняя въ темнотѣ свои хвосты. У пюпитра склоненная фигура. Львиная голова лежитъ на рукѣ и не поднимается.

— „Кто тамъ? Ахъ, это вы, душенька". И мягкимъ движеніемъ руки Антонъ Григорьевичъ подзываетъ ближе.

— „Принесли? ну вотъ и хорошо. Задумался я... А знаете ли вы, слушающіе тутъ всякія премудрости, что такое Оберammергау? По исторіи Саккетти: „незначительный городокъ Баваріи, гдѣ каждые десять лѣтъ бываютъ мистеріи". „А знаете ли вы, что это за мистеріи, что это за святость, что это за чудный осколокъ средневѣковья. Въ этомъ году я туда ѣду, ѣду пріобщиться великаго таинства". Я молчу. „А впрочемъ, идите". Голосъ рѣзкій. Я тороплюсь, я чувствую, что я недостойна пріобщиться настроенія художника, творящаго можетъ быть въ эту минуту одинъ изъ музыкальныхъ эпизодовъ своего золотого сна, своей музыкальной драмы „Христосъ"...

* * *

Бесѣда, тихимъ, зимнимъ вечеромъ. Старая пріятельница, теософка разсказываетъ:

— Нѣтъ, только тамъ, гдѣ остался столпъ нѣмецкаго католичества, гдѣ не утвердилось растлѣвающее вліяніе протестантства, могла сохраниться такая красота духа, такая Божья благодать. Все время, что длились праздники въ Оберammергау, я была между небомъ и землею. Только тамъ познаешь все величіе Искупленія, только тамъ льются слезы истиннаго религіознаго умиленія...

* * *

Я переживаю 1914—15 годъ. Въ газетѣ краткая замѣтка—„въ Оберammергау, въ театрѣ Страстей Господнихъ устроены конюшни".

Спи, великій Антонъ! 20 лѣтъ прошло со дня твоей смерти. Теперь страсти людскія замѣнили, вдохновлявшія тебя, страсти Господни. Поруганы святыни; предсказалъ когда то вѣрно ты своимъ вѣщимъ словомъ: „штыки и единство—ножъ острый для культуры".

„Карма, злая Карма" шепчутъ дрожащія губы, смотря на зловѣщее газетное сообщеніе... Старая теософка льетъ тихія слезы глубокаго горя.

Старая консерваторка.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Скульптура „Истома" Н. С. Сокольницкаго.
Сокольницкій выставлялъ неоднократно свои работы въ „Salon des Artistes Francais"; сейчасъ благодаря войнѣ онъ находится въ Петроградѣ. Эту скульптуру онъ жертвуетъ на помощь разоренной Польшѣ.

НАРЦИССЫ И ТЮЛЬПАНЫ.

Бѣлые нарциссы, красные тюльпаны,
Символъ вашъ сокрытый, кровь и чистота,
Бѣлая повязка, пурпуръ алой раны
Смерть—и жизни трепетъ, мука—и мечта.

* * *

Тамъ за рамой дальней жизненной кулиссы
Льется кровь рѣкою въ стычкахъ и бояхъ:
Красные тюльпаны, бѣлые нарциссы
Тамъ растутъ повсюду на родныхъ поляхъ...

Кн. Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

Поэтъ кн. Ф. Н. Касаткинъ-Ростовскій, предсѣдатель Ново-Оскольской Земской Управы, добровольцемъ на войнѣ.

ПЕРЕПИСКА СЪ ЧИТАТЕЛЯМИ.

Редакціей полученъ рядъ писемъ съ критикой помѣщеннаго въ „Столицѣ и Усадьбѣ" обзора картинныхъ выставокъ. Находятъ, что подборъ репродукцій слишкомъ случайный, разноцѣнный, наряду съ настоящей живописью — „декаденщина"; кажется страннымъ помѣщеніе рядомъ такихъ неподходящихъ другъ къ другу сюжетовъ...

Журналъ даетъ обзоръ выставокъ, ихъ отраженіе. Наши выставки дѣйствительно разношерстны и на одной стѣнѣ или въ одной комнатѣ висятъ рядомъ очень часто произведенія несовмѣстимыя. Если это отразилось на страницахъ журнала, посвященныхъ обзору, то тѣмъ лучше: это даетъ вѣрное представленіе о нашихъ художникахъ и вкусахъ покупателей, этой цѣлью и задавался журналъ.

Концертъ устроенный попечительницею пріюта для дѣтей пострадавшихъ на войнѣ нижнихъ чиновъ М. Н. Бобылевою.
Въ серединѣ группы М. Н. Бобылева, А. А. Петина, Л. Н. Устругова, Чарова; въ нижнемъ ряду организаторъ хора Истоминъ, Уструговъ и другъ.

Петроградъ. Дѣтскій балетъ „Веселый часовой", поставленный въ Обществѣ „Огни-ско" въ пользу пострадавшей Польши.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

ВЕЩИ И ЛЮДИ.

Мы разговаривали тихо, задушевно, среди сгущавшихся сумеи. И мнѣ казалось, что въ нашей бесѣдѣ участвовала душа жавшихъ насъ старыхъ семейныхъ вещей.

— Я понимаю васъ—говорилъ я хозяину—въ этой вашей страсти собирать вещи: съ этими вещами входитъ къ вамъ часть прошлаго, невѣдомыя частицы души былыхъ людей.

— Я поправлю васъ—сказалъ мнѣ хозяинъ—я не собиратель: моя судьба счастливѣй, я главнымъ образомъ охранитель. У меня очень мало купленныхъ, а почти все наслѣдственныя вещи, и я знаю исторію каждой изъ нихъ. Эти вещи для меня—живая лѣтопись...

Видите вотъ эту оригинальную лампу, на столбикѣ краснаго дерева. Ее по собственному рисунку дѣлалъ мой дядя—который умеръ до моего рожденія, но котораго я очень чувствую и знаю. Видите, какое красивое и милое лицо, и какъ онъ изященъ и наряденъ. Въ немъ уживался демонъ и ангелъ; онъ широко помогалъ своимъ бѣднымъ университетскимъ товарищамъ, ужасно кутилъ, а временами на него нападало аскетическое настроеніе, и онъ пѣшкомъ ходилъ по богомольямъ и сгорѣлъ въ двадцать два года...

А эти старые наряды на портретахъ, дамы съ фероньерками на лбу и мужчины въ сюртукахъ съ высокой таліей, съ подбородкомъ, подоткнутымъ большимъ галстукомъ, другія дамы въ пышныхъ кринолинахъ, мужчины—гусары въ венгеркахъ съ шнурами, дамы въ локонахъ и высокихъ воротникахъ Екатерининскихъ временъ, странные большіе чепцы съ несуразными бантами начала девятнадцатаго вѣка, низкія шляпки съ большими перьями пятидесятыхъ годовъ; какъ все это разнообразно и мило, и говоритъ о формахъ угасшей жизни.

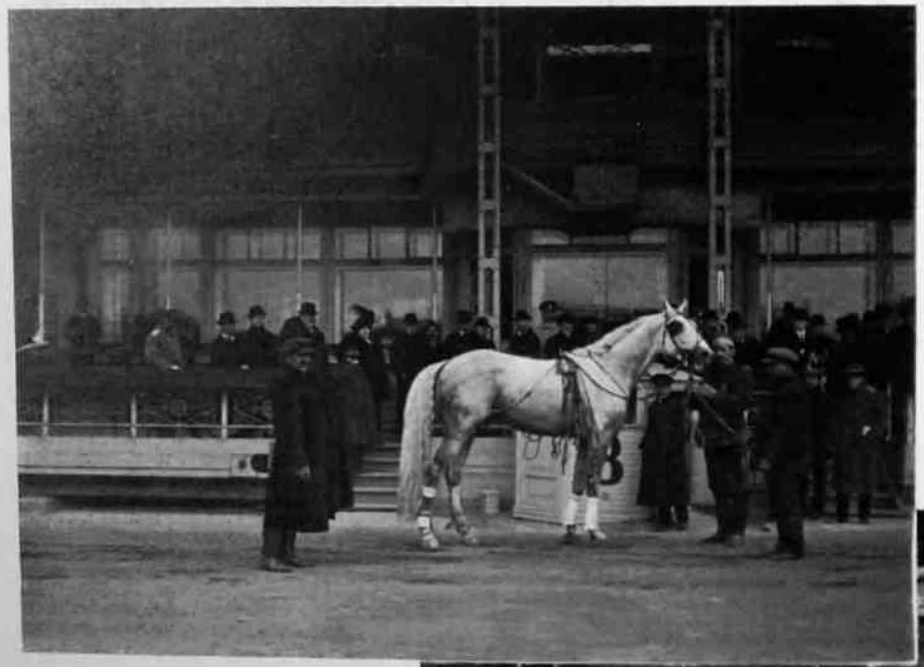
И какіе порою въ портретахъ,—продолжалъ онъ,—обнаруживаются тайны. Вотъ два большихъ портрета моей бабушки и дѣда, дѣланныхъ передъ ихъ свадьбой въ 1818 году.

Я зналъ, что оба эти портрета кисти Митуара, художника, работавшаго въ Россіи въ первую четверть того вѣка. Онъ писалъ въ натуральную величину, всегда на темномъ фонѣ. Ставилъ онъ свои подписи всегда на необыкновенныхъ мѣстахъ. Я долго и тщетно искалъ его подпись... Когда однажды весной забрался въ комнату яркій лучъ солнца, освѣтившій портретъ, я подъ какимъ-то наитіемъ сказалъ себѣ: „сейчасъ обнаружится подпись". Я подошелъ съ лупкой къ портрету и увидѣлъ небольшого размѣра подпись „Mitoire". А на мужскомъ портретѣ, сдѣланномъ въ тоже время, обнаружилъ подпись мой пріятель, знатокъ, покрывавшій это полотно лакомъ и нашедшій подпись на ребрѣ стула.

Вотъ тутъ на большомъ портретѣ она невѣстой. На этой парижской акварели на кости она все еще молоденькой женщиной въ кисейномъ бѣломъ платьѣ съ черными боа на шеѣ. Вотъ она сорокалѣтней дамой въ чепцѣ и съ цвѣтами въ букляхъ, съ небрежно накинутой на плечи глубокой накидкой на горностаѣ. А вотъ, наконецъ, семидесятилѣтняя старушка въ сѣромъ шелкѣ и свѣтло-сиреневомъ чепцѣ. И всюду на ней тѣ же нитки жемчуга, съ которымъ она не разставалась до смерти... Предо мною вся ея жизнь, отъ молодости до гроба. Вотъ кресло, въ которомъ она умерла. Въ дѣтствѣ мы не смѣли даже садиться въ это кресло, считая его священнымъ, и оно стояло отдѣльно, около иконъ, въ атласномъ сшемъ чехлѣ...

Эти большіе часы empire, это ея свадебный подарокъ отъ зятя, и все здѣсь приноровлено къ свадьбѣ. Наверху фигура молодой

БѢГА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.



„Крѣпышъ".
Побѣдитель приза имени гр. Ил. Ив. Воронцова-Дашкова.
(16 октября 1912 г.).

„Перезвонъ".
Побѣдитель приза въ память А. А. Стаховича.
(22 декабря 1912 г.).

Около „Перезвона" владѣлецъ его кн. В. Л. Вяземскій, рядомъ съ нимъ казачій о-ва А. А. Зотовъ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

...имлянки, одѣвающейся къ вѣнцу и прикалывающей себѣ послѣд...ія розы... Къ зеркалу, у котораго она совершаетъ свой брачный туалетъ, прислонены свадебные факелы въ вѣнкѣ. На передней доскѣ туалетнаго стола, къ которому прикрѣпленъ циферблатъ, два изогнутыхъ лебедя держатъ надпись „La mariée"... На постаментѣ горельефъ изображаетъ римскую свадьбу съ горящимъ жертвенникомъ, съ амурами, держащими корзины съ цвѣтами и рогъ изобилія, а сзади геній благословляетъ молодыхъ. Музыкальный ящикъ, на которомъ стоитъ все это сооруженіе, украшенъ бронзовою пластинкою съ изумительно переданнымъ движеніемъ и уносомъ коней, которые мчатъ въ колесницѣ Нептуна, увозящаго Прозерпину. А вотъ на горкѣ и золоченая на ножкѣ солонка, которая въ день свадьбы была поднесена ей съ хлѣбомъ-солью.

— Да—сказалъ я—у васъ завершенный циклъ вашей бабушки.

— Это еще не все! Вотъ на стѣнѣ акварель, изображающая ея уютную гостиную въ Москвѣ. Вотъ на другой акварели видъ большого зала въ ея подмосковной, а вотъ ея усадьба подъ Рязанью, гдѣ она провела первые годы послѣ свадьбы. На этомъ письменномъ столѣ, за которымъ она занималась, сидя на этомъ стулѣ, вы видите ея приборъ. Вотъ бронзовая рука, служащая прессомъ — точный слѣпокъ ея красивой руки. Вотъ маленькая серебряная ложечка, которою она посыпала пескомъ письма.

А вотъ какія бываютъ странныя совпаденія! Видите вы стоящаго на книжномъ шкафу орла, держащаго на распростертыхъ крыльяхъ своихъ шаръ...

Этотъ орелъ былъ купленъ въ тридцатыхъ годахъ для той же моей бабушки, жившей въ Москвѣ, въ тогдашнемъ англійскомъ магазинѣ. Онъ десятки лѣтъ стоялъ въ Москвѣ, и я помню его еще цѣлымъ. Когда я сталъ взрослымъ, онъ весь почти разсыпался, былъ убранъ, и тогда я увезъ его сюда, и возстановилъ въ прежнемъ величіи. А черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ вотъ этотъ самый портретъ старушки, которая когда-то здѣсь въ Питерѣ его купила. Портретъ пришлось повѣсить на стѣнѣ противъ орла, и такъ они смотрятъ другъ на друга.

У меня здѣсь нѣтъ почти ничего чужого, ничего, что бы не имѣло отношенія къ моей семьѣ...

Вотъ, напримѣръ, эта фарфоровая фигурка дамы стараго Попова, въ робронѣ съ золотымъ жгутомъ и золотыми кружевами, съ вѣеромъ въ рукахъ и перомъ на головѣ. У одного моего пріятеля въ Москвѣ, я видѣлъ точь въ точь такую же даму, только до таліи, и это не былъ подправленный обломокъ, такъ какъ внизу была марка Попова.

Онъ подвелъ меня къ прелестной вещицѣ.

На тумбочкѣ, укрѣпленной на бронзовомъ основаніи съ богатой рѣзьбой, стоялъ бронзовый мальчикъ, держащій поднятыми руками широкій обручъ, въ которомъ свободно ходило зеркало.

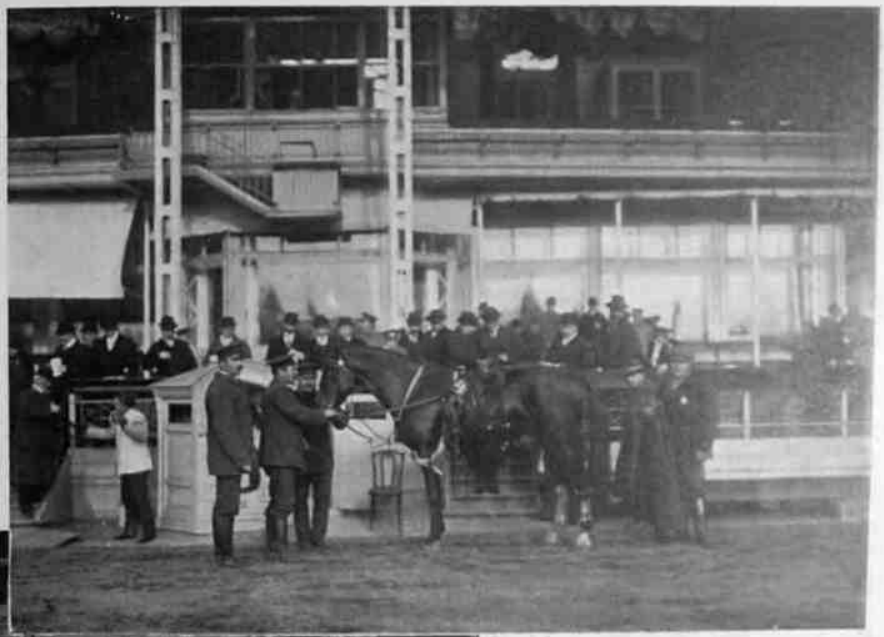
— Можете себѣ представить мое удивленіе, когда я въ домѣ столь трагически погибшей подъ автомобилемъ графини Медемъ, рожденной Нарышкиной, увидѣлъ совершенно такое же зеркало, съ той единственно разницей, что мальчикъ стоялъ не на ногахъ какъ у меня, а на колѣняхъ.

— Вы такъ сжились съ вашими вещами—сказалъ я ему—что, можетъ быть, васъ иногда пугаетъ ихъ жизненность?

— Не пугаетъ, а радуетъ,—отвѣчалъ онъ.—Если бы мнѣ пришлось потерять всѣхъ близкихъ мнѣ людей, тогда то, что останется отъ нихъ вещественнаго воспоминанія, отчасти мнѣ ихъ замѣнитъ...

Е. П.

БѢГА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.



„Тальони"
Побѣдитель приза въ честь почетнаго члена К. Л. Вахтера.
(26 августа 1912 г.).

„Тальони"
Побѣдитель „Продіуса".
(16 ноября 1914 г.).

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.